

Глава 1

Москва и коварство её поворотов

Макс всегда был достаточно аккуратным человеком. Приходилось таким быть! Во-первых, он всегда был материным любимцем, поэтому в его комнате она убиралась часто и с удовольствием. Как только ему исполнилось пятнадцать, он категорически запретил матери заглядывать в его шкафы, пока они закрыты. Поэтому пришлось укладывать вещи так, чтобы они оттуда не вываливались, и научиться складывать всё так, чтобы было видно, что там кто-то что-то перекладывал.

Во-вторых, профессия, будь она неладна. Химику не положено быть раздолбаем — это может быть смертельно опасно. К окончанию вуза и поступлению в аспирантуру он уже был на пути к некоторому педантизму, поэтому уставился на корзину, куда складывал грязное бельё, в немом изумлении.

— Не понял... а где они? — Макс пошарил в корзине, почесал затылок, в надежде, что этот не прямой

массаж головного мозга как-то ему поможет осознать, куда именно делись четырнадцать пар *его* носков, которые он собрался оптом постирать. — Чего-то я того? Я ж помню! Они тут были! Я их не того... Не стирал ещё!

Носки он копил и запускал в стирку раз в две недели, что с его научной точки зрения было значительно более оправданно, чем стирать их руками.

— Так, ладно! Мыслим логически. Максим Антонович, ты мыслить вообще как-то можешь? — спросил он у своего зеркального отражения. Отражение пожало плечами и покрутило пальцем у виска. — Дожил! Уже с зеркалом разговариваю! Мурьяна! Мурьяяянаааа! Хоть бы ты со мной поговорила!

— *А о чём?* — собеседница нарисовалась на пороге ванной, словно выпрыгнула из третьего или какого-то иного загадочного измерения, куда кошки и даже котята отлично умеют при желании скрываться.

— Ага, вот ты где! Хоть ты нашлась! — Макс подхватил с пола невесомую Мурьянку и почесал её за ушком. — Прикинь, я точно собрал носки, а куда они делись, хоть убей не помню!

С точки зрения Макса, разговаривать с кошкой, даже с кошечкой-подростком, значительно нормальнее, чем с зеркалом.

— *И только-то? Сразу бы спросил! Носки... носки... а! Это та ишкурка, которую вы натягиваете на задние лапы, прежде чем совать их в налупники?* — Мурьяна, как примерная кошка, хоть пока и маленькая, знала всё про всех. Начиная от длинных ломучих штучек,

которые её Макс звал «пагети», их Мурьяна вытягивала из шуршащего пакетика и раскатала по всей квартире. И смешной наивный Макс до сих пор был уверен, что собрал всё... Про налапные шкурки Мурьяна тоже отлично всё знала — ещё бы! Столько труда потратила, вытаскивая их и вынося подальше от уютной и приятной корзины, которую она выбрала для себя.

Между прочим, Мурьяне приз полагался за терпение! Она каждый день обнаруживала скатанные шкурки с Максовых лап в своём убежище, каждый день кротко и терпеливо вытаскивала их и складывала НА МЕСТО! А он опять сорил в её домике!

— Мурьяна... И почему мне кажется, что ты знаешь о моих носках больше, чем я сам? — уточнил Макс, следуя за кошечкой в комнату. — Не понял... А что они все делают за шкафом?

— *Как что? Живут!* — удивилась Мурьяна непонятливости хозяина. — *Им там очень хорошо! И мне хорошо! Я их не вижу и не чую. И тебе неплохо. Потому что они рядом со всеми остальными такими же шкурками. За стеночкой!*

— Мурка! Ты зачем все мои носки туда упихала? И как ты вообще это сделала? Ёлки... не добыть, так утрамбовано! — ворчал Макс, лёжа на животе у шкафа и выколупывая свою одежду.

— *А чего сразу Мурка-то?* — оскорбился котёнок. — *Взял и всё подоставал! Нет, ну гляньте, кошки добрые! Куда ж ты опять мне домик пачкаешь? Не положено им тут лежать!*

Она трудолюбиво затопотала лапами за Максом, на его глазах прыгнула в корзину, вытащила одну из носковых «скаточек» и целеустремлённо поволокла её обратно за шкаф.

— Мурьяна! — с тем же успехом Макс мог и ничего не говорить. Всё равно это бесполезно. — Вот упёртая! Где мне, по-твоему, носки складывать?

— *Я же показала, где их место!* — возмутилась кошечка, подпихивая носки в щель между стенкой и шкафом. — *А ещё умный!*

— Мурь, как же я раньше-то без тебя жил? — расхохотался Макс, в ответ на сердитый взгляд жёлтых глаз.

— *Оно и видно, что плохо! Шкурки хранить не умеешь и вообще почти всё неправильно! То уснуть не можешь...* — Мурьяна прочно взялась за обустройство жизни Макса и всерьёз за него переживала. — *То пакость всякая снится...*

Тут она была права. Макс, переживший предательство и подставу от девушки, в которую был по-настоящему влюблён, спал и правда так себе. А тут ещё и дед...

Дед Макса был учёным-химиком, академиком с кучей регалий, научных открытий, книг и работ. Кроме этого, он был ещё весьма и весьма властным человеком, обожающим руководить своим семейством железной рукой, нимало не смущаясь тем, что у них могут быть какие-то свои желания и взгляды на жизнь. В прошлом году, правда, нашлись люди, немного сбившие с него спесь, но, к сожалению, это был вовсе не Макс, а его двоюродный брат Сергей и его, тогда ещё, невеста. Им же удалось вытащить самого Макса из ловушки, устроенной его любимой

девушкой. Собственно, после этого Макс стал замечать за собой некоторые странности — его жизнь менялась. Неожиданно в ней появилась крошечная Мурьянка, которую он подобрал в омерзительнейший, мрачнейший и безнадежнейший день ноября. А кто же не знает, что ноябрь в Питере вообще почти что невыносим?

Так вот эта самая Мурьянка, крошечная, грязная, тощая, в чём душа держалась, стала настоящим спасением для измученного Макса. К огромному изумлению своих родных (практически всех, кроме Сергея и его Лены) Макс котёнка оставил, мало того, её интересы он совершенно очевидно считал более важными, чем даже приказы собственного властного деда.

Дед, который являлся научным руководителем и непосредственным начальством Макса, некоторое время обдумывал сложившееся положение, а потом взял и подписал приказ о кадровом перемещении молодого аспиранта в Москву.

— Там разрабатывают наше направление, они просили кого-то прислать, твой старший брат нужен мне здесь, а ты поезжай... Общежитие тебе там выделят, только вот... кошку твою дурацкую придётся оставить. Вряд ли тебя с ней в общагу пустят, а квартиру снимать — вряд ли у тебя есть накопления... — академик Игорь Вадимович Вяземский точно знал, что у Макса лишних денег нет. Нет, он зарабатывает, конечно, неплохо, но на жизнь в Москве, нормальные развлечения, ему свойственные, да на съём квартиры, где потерпели бы его подзаборную мелкую кошку, ему точно и абсолютно не хватит. Дед внука знал. Понятно же от чего,

точнее от кого внук откажется! Да, он не приехал на семейное празднование Нового года, отговорившись своей дурацкой кошкой, ну так получай! И деньги, которые он, Игорь Вадимович, Максу регулярно подбрасывал, теперь молодому глупцу не светят, и завещание обновить не грех, раз уж один из наследничков так себя повёл!

Всё это Максу было высказано, только вот должного эффекта не оказало.

Макс выслушал дедовскую тираду вполне равнодушно, буркнул что-то вроде:

— В Москву так в Москву...

И даже деньги не стал выпрашивать.

Разгадка была проста.

— Серёга, спасй! — звонок тому самому мятежному двоюродному брату самого Сергея не сильно удивил. За прошедшие пару месяцев, они стали друг другу значительно ближе и как-то роднее, что ли...

— Шо, опять? Тебя опять обвиняют в краже бесценного ювелирного украшения? Или ты нашёл на улице крокодила и жаждешь Ленкиной консультации? Так она айтишник, а не зоолог.

— Всё хуже, брат! — торжественно объявил Макс. — Меня отправляют в ссылку в вашу проклятую Москву!

— Почему это проклятую? — возмутился Сергей.

— Да потому, что по велению моего начальства, сиречь нашего дедули, я должен ехать в общагу и лишиться главной женщины в моей жизни — моей Мурьяны! Спасай нас, короче!

— Ну, это уже подловато... — оценил Сергей.

— Именно. У тебя нет знакомых, которые могли бы сдать за скромные деньги комнату исключительно положительному молодому учёному и его кошечке месяцев пяти от роду?

— Надо подумать... Как я понимаю, Мурьяну ты не бросишь?

— Нет, не брошу. Это не обсуждается ваааще никак. Я скорее уволюсь! — решительно заявил Макс, который за проведённое с Муркой время ожил и почувствовал себя вполне счастливым!

— погоди, не пори горячку. Мы с Леной подумаем и поспрашиваем. Лады?

Вот именно эти «лады» от Сергея Макса и успокоили. Нет, он и сам пошарил по объявлениям, даже нашёл вариант — комнату, которую по деньгам тянул, но кошка, даже маленькая, там категорически исключалась и хозяевами, и соседями.

Он решил начать сборы, уповая на собственное везение и братца, а потом выяснил, что всю жизнь хранил носки не там.

— Нет уж, пошло всё! Я от Мурки не откажусь! — решительно заявил он в пространство, наглаживая припавшую к нему Мурьяну.

Пространство откликнулось звонком смартфона.

— Макс, мы тут подумали, подумали... С кошкой в комнату и правда, не пускают. Но мы можем немного потесниться и приютить вас с Мурьяной, — голос Сергея сделал солнечным омерзительно-пасмурный январский день за окном Максовой квартиры.

— Серёга! Я... я так вам благодарен! А как ты Лену уговорил?

— Да никак не уговаривал. Она сама предложила. Не бросать же вас... — хмыкнул Сергей.

— Да... Нас не бросать! Правда, Мурьянка? Люди, вы в ответе за тех, кого приручили! — сообщил кузену разом развеселившийся Макс, у которого с плеч прямо гора рухнула. — Я вам буду платить, ты не думай.

— Иди ты в баню! — посоветовал ему Сергей. — Сходи, попарься, авось мозги просветлеют. Будешь к чаю чего-нибудь покупать и хватит с тебя!

— Мурка! Живём! — обрадовался Макс, подбросив озадаченную котейку в воздух и бережно её поймав, — Там у Серёги и Лены две кошки плюс огромный пёс и крооошечная собачка! И тебя там будут учить прятать вещи получше, так, чтоб никто никогда не нашёл, петь колыбельные кошачьи антидепрессивные песни любой сложности и тырить погрызухи у бедняги Полкана.

— *Тырить? Это я люблю!* — обрадовалась Мурьяна.

Таким образом, грядущий бытовой кошмар легко превратился в неожиданно приятную поездку. Дед, уверенный, что теперь-то внук избавится от своей глупости и снова станет управляемым, отправился на очередной научный конгресс. Его невестка — мама Макса, нервно причитала над поездкой любимца в «эту вульгарную купеческую Москву», и совала ему деньги на всякий случай, а старший брат Вадим язвительно фыркал о вреде «кошкозаведения».

— Был нормальным, стал на выселках!

— Ничего себе высылки! — Макс Москву не очень любил — слишком шумно, слишком бестолково, слишком... Ну, не так и всё тут! После Питера в Москве казались непривычными даже слова.

— Почему подъезд, а не парадная?! — насупился было Макс, но характер у него был лёгкий, так что он решил не придирается: — А, впрочем, ну, какая разница! Главное, что с Мурьянкой!

Так, с помощью одной молоденькой гладкошерстной серой в полосочку кошечки была реабилитирована целая Москва!

Макс быстро освоился на новом рабочем месте, правда, возвращаясь домой, чувствовал себя неловко. Ну, в смысле, к Серёге домой. Понятно же, что они с Леной недавно поженились, а тут родственничек привалил!

Но ни Сергей, ни Лена ничуть не раздражались его присутствием, Мурьяна, после первой робости при знакомстве с местной живностью — белой гладкошерстной Симой, рыжей толстой Фросей, огромным Полканом и миниатюрной хозяйственной Милочкой, стала законным членом стаи и теперь уже Лена разыскивала носки и почему-то кухонные полотенечки...

— *И тут не умеют хранить на лапные шкурки!* — возмущалась Мурьяна.

Макс уже неделю прожил в Москве, когда на город свалилась ежегодная зимняя напасть — оттепель с обильным дождём, сменившаяся трескучими морозами.

Ледяной дождь превратил тротуары в блестящий каток, и Макс скользил по этому катку вполне успешно и умело.

— Прискользю... нее, прискольжу..., тьфу! Приеду к Серёге с Леной, поужинаю, возьму Мурьянку, и спаааать!

Устал он сегодня вполне всерьёз. Москва на него вообще действовала странно. Слишком шумная, слишком активная, слишком неправильная! После питерских улиц московские вели себя как подвыпившие купчихи — заворачивали куда-то, утыкались в бульвары, не подчинялись никаким правилам. Он и представить себе не мог, как этот непривычный город ему отомстит за пренебрежение его улочками!

— Какой приидуурооок тааак строооил! — стонал Макс, изо всех сил стараясь собрать конечности и привести их к какому-то общему знаменателю. Например, доехать вооон до того угла. — Одниии повоороооотыыы!

Он с усердием настоящего учёного сфокусировался на задаче сохранить равновесие и не заметил, что ему навстречу из-за этого самого угла выехала девушка в светлой дублёнке. Она так же старательно смотрела себе под ноги, абсолютно не глядя по сторонам.

— Иийийй! — пискнула девушка.

— Уххх...! — чуть не высказался Макс, натолкнувшись на неё. — Да что же вы так под ноги-то не смотрите!

— Простите, я смотрела, но вас там не заметила! — довольно сердито отозвалась девушка, стараясь опреде-

лить, все ли части тела у неё целы. Некоторые сомнения вызывали колени, правый локоть и бок.

— Я, вроде, не такой уж мелкий! — возмутился Макс, выяснив, что голова у него по-прежнему на шее, а шея, как ни странно, цела, повернул голову на виновницу своего нежданного приземления. Капюшон дублёнки при падении слетел, открыв массу рыжих кудрявых волос, лежащих на плечах крупной волной. Неожиданно яркие зелёные глаза уставились на Макса весьма хмуро.

— Может, и не мелкий, но такой невнимательный! — фыркнула девушка.

— Ээээ, — Макс никогда на недостаток слов не жаловался. А тут как отшибло всю его находчивость, чувство юмора и обаяние до кучи. Нет бы отшутиться, сказать что-то вроде, что он никак не мог не заметить такую яркую красоту... Ну, хоть бы что-то сказать! Нет, как приморозило!

— Вы чего? Сломали себе что-то? — подозрительно уточнила у него девушка.

— Неее, — выдавил Макс, соображая, что он мог себе сломать и имеет ли это хоть какое-то значение...

— Ну, и ладно! Уй, коленка! — девушка, с трудом удерживая равновесие, поднялась, ощупала правое колено. Хотела сказать ещё что-то ядовитое о неуклюжих мужчинах, но видя, что объект так и сидит на ледяной корке, решила, что раз лежачего не бьют, то и сидяче-падучего тоже. Осмотрелась, увидела подругу, на встречу с которой спешила, и замахала рукой.

— Настя! Я тууут!

— Мила! Ты чего? Цела? — к ним ловко приехала очень красивая девица, напоминавшая какую-то известную личность. — У вас тут что? Ледовое побоище было?

— Что-то вроде того! Ладно, поскользили! Хотя, погоди секунду! — рыженькая девушка оказалась добросердечной и сменив гнев на милость участливо уточнила у Макса. — С вами точно всё в порядке?

— Угу! — кивнул Макс, проклиная своё внезапное состояние. — Практиччччки...

— Вот и славно! Настя, пошли! Оооой, да ёлки-палки, почему ни одного дворника на гориизооон-теее! — попискивание смеющихся подруг удалилось в парке, а Макс начал приводить себя в порядок. Начал с подъёма организма, практически примёрзшего к ледяной корке, а закончил неожиданным выводом: — Это самая красивая девушка из тех, кого я видел!

Его прошлая подруга, смахивающая на эфемерного эльфа, придушила бы Макса на месте! Сама Мила, которая всю жизнь считала, что Насте, похожей на Наталью Гончарову так, словно портрет жены Пушкина с неё писали, она и в подмётки не годится, удивилась бы чрезвычайно. Но факт оставался фактом: Настю Макс почти не заметил. Почти — потому что был ей благодарен за имя той, рыженькой. Мила!

— Остались сущие пустяки! Найти в Москве рыженькую Милу, разогнать всех её поклонников и дело в шляпе! — сообщил он себе. — Нда... Вроде приземлился на пятую точку, а отбил мозги. Как странно в нашем организме всё устроено...